
POST SCRIPTUM. MARINA GREY

*Годы прошли.
Радость в душе —
Счастье так близко,
Словно луны
Отражение в море.*

Неизвестный японский
автор (X век)

...Жарким июльским днем 2004 года, волнуясь, я подходил по старинным версальским булыжникам к дому № 10, что стоит на RUE DE FONTENAY. Захожу во двор, окунаюсь в атмосферу эпохи Людовика XV (как-никак в доме этом останавливались вельможи в ожидании аудиенции у короля). Подымаюсь в квартиру и сразу попадаю под очарование открытой русской улыбки хозяйки. Марина Антоновна Грей.

«Боже мой, — удивился я, — неужели ей восемьдесят пять лет? Да она же так хорошо выглядит, явно не по годам. А улыбка, какая замечательная улыбка! А эти голубые глаза...»

— Проходите смелее в кабинет, Георгий Михайлович! Да не разувайтесь вы. Не пойму, как кто из России в гостях, то обязательно при входе в комнату разувается, зачем?

Я слышу прекрасный русский язык. Акцент, конечно, есть, правда небольшой, типичное грассирующее французское «г»...

Итак, моя мечта сбылась. Я увидел ту, «почтовый роман» с которой начался еще в 1998 году... Два дня удивительных проникновенных бесед с удивительным человеком. И с диктофоном и без, и с распитием прекрасного французского шампанского... Низкий поклон до земли вам, милая Марина Антоновна, за то исследовательское счастье, что вы мне подарили!

Договорились сразу: все материалы о ней подписываю официально — Марина Грей.

— Это мой литературный псевдоним. Я взяла его, когда началась моя журналистская работа на Французском радио и телевидении. Руководство тогда сказала, что Деникина — фамилия красивая, но очень длинная. Надо что-то покоро-

че, но яркое, броское. Псевдоним Грей — память о замечательной английской семье, что в свое время меня приютили. Впрочем, вам все это известно из моей книги о папе.

— Но у вас на табличке перед звонком в квартиру написано, что вы еще и графиня де Кьяпп...

— Графиней я стала после того, как вышла замуж за знаменитого французского историка графа Жан-Франсуа де Кьяппа. Сразу, чтобы внести ясность, он был моим третьим мужем, и прожили мы сорок лет. Первое замужество (я об этом тоже писала в книге «Мой отец генерал Деникин») оказалось неудачным. Правда, сын есть, Миша. Ему сейчас шестьдесят два года, пенсионер, очень долго работал на Французском телевидении. Да еще есть две очаровательные внучки. Я их очень люблю...

Марина Антоновна прикуривает очередную сигарету, чуть задумывается и продолжает:

— О втором муже я только мельком упомянула в книге о папе. Он появился после войны. Я его очень любила, прожили семь лет, но так получилось, что расстались...

Многое, что поведала мне в те дни дочь о своем замечательном отце, читатель узнал из изложенного выше. Поэтому хочу рассказать о самой Марине Антоновне — достойной дочери достойного сына Отечества. Полагаю, что архитектонику моего повествования о замечательном человеке, генерале Деникине, подобное лирическое отступление не нарушит.

Марина Антоновна Грей — человек уникальной судьбы, который сделал себя сам. Пусть несколько банально звучит, но это действительно так. Восемьдесят пять лет, что прошли от появления на свет в родильной палате в Екатеринодаре, столице «государства царя Антона», орущего младенца до респектабельной дамы, созерцающей в окно своей квартиры королевский Версаль, были столь насыщены событиями в ее бурной жизни, что хватило бы не на один роман. Жизнь Марины Антоновны — зеркальное отражение судьбы русского зарубежья. Вернее, той ее части, что увидела Россию первый и последний раз из младенческих пеленок. Но, выбравшись из колыбели, они остались, вне зависимости от подданства, русскими. По силе духа, веры, надежды, любви...

— Марина Антоновна, в книге «Мой отец генерал Деникин» вы смогли очень неординарно изложить в контексте жизнеописания Антона Ивановича основные вехи своего раннего периода жизни. А вот о послевоенном периоде фактически ничего не написано. В частности, о вашей работе на Французском радио и телевидении.

— О, это было замечательное время. Трудное, но замечательное. Я работала сначала как журналистка, а затем стала продюсером, делала цикл передач, гостями которых являлись Эдит Пиаф¹, Жерар Филип², Фрасуза Саган³. Как говорится, цвет французской культуры того времени... Кроме того, я практиковала после войны поиск по телевидению и радио тех, кто потерялся. Мы помогали людям найти друг друга. Если бы вы знали, сколько благодарственных писем я получила!..

— А правда, что вы были довольно хорошо знакомы с Марком Шагалом⁴?

— О, да! С ним меня познакомил мой первый муж, архитектор. Однажды мы прогостили у него целую неделю. У него был дом на юге Франции, где он жил с молодой очаровательной ирландкой. Та ждала развода, чтобы выйти замуж за Шагала. У них имелся сын. По моему, в ту пору ему было три года. И вдруг эта дамочка неожиданно сбежала от Марка. Нашла себе какого-то тоже художника, вроде шведа, а может, норвежца, в общем, скандинава. Ну, сбежала, так Бог с ней. Но она захватила с собой их сына! Тут такая темная детективная история...

А Шагал впал в депрессию. Такую трагедию пережил, он так любил своего сына... Дело дошло до того, что великий художник стал высказываться на полном серьезе о том, что пора свести счеты с жизнью. Его дочь Ида все время говорила нам, друзьям Марка: «Надо что-то сделать, придумайте что-нибудь, или он покончит с собой! В конце концов, папе надо кого-то подыскать...» Ну, мы и нашли, не сразу конечно, для Марка хорошую женщину, Валентину Бродскую. Она проживала в то время в Англии. Мы и уговорили ее на некоторое время стать компаньонкой живописца. Они встретились в Париже, и родилась их любовь. Так мы и спасли Шагала от преждевременного и нехорошего ухода на тот свет.

— В одном из интервью вы как-то обмолвились о своем знакомстве с Пабло Пикассо⁵.

— Я много в последнее время давала интервью русским газетам, теле- и радиоккомпаниям. — Марина Антоновна заглядывает в свой «гроссбух». — Вот посчитала: двадцать одно! И каждый раз подобный вопрос мне задают. Да, контакты с этим великим мастером в моем послужном журналистском списке имеются. Понятно, что с фигурами подобного масштаба напрямую познакомиться трудно. Они, как правило, недолюбливают журналистов, побаиваются. Среди нас всякие есть. Такого могут написать... А меня с

Пикассо впервые познакомил (привез в гости) швейцарский издатель. К сожалению, не помню его фамилии. Но он оказал громадную услугу художнику: дал кров во время войны в Женеве сыну Пикассо Полю от первой жены Ольги Хохловой.

Мастер готовил в то время выставку «по мотивам» Веласкеса. Он как бы погрузился на дно своего сознания. Ничего не замечая вокруг, водил меня от картины к картине и очень внимательно следил за моей реакцией. Наверное, Пабло знал, что в то время на радио я занималась критическими обзорами по искусству. И все равно: мне это тогда показалось странным. Создалось впечатление, что художник будто бы боялся, что мне не понравятся его шедевры. А разве может Пикассо не понравиться? Это же великая величина! А я маленький критик-искусствовед с Французского радио...

Затем мы заговорили о Марке Шагале. И вдруг Пикассо мне ни с того ни с сего задал вопрос: «Скажите мне правду, он действительно женился на своей кухарке?» Я ответила: «Конечно, нет! Это сплетня. Новая жена Шагала не кухарка, а интеллигентная красивая женщина». Я-то поняла, с чего это вдруг Пикассо спросил о сплетне, что ходила тогда в художественном бомонде вокруг Шагала. Элементарная ревность. Творческая ревность. Но среди художников, тем более великих, а они все с причудами, часто случается, что ревность к творчеству соперника переходит в неприязнь, а то и в ненависть. Ничего не поделаешь. Люди искусства...

— Из российской прессы мне известно также о ваших встречах с Сальвадором Дали⁶.

— Когда Дали приезжал из Испании в Париж, мы делали с ним передачи — сначала для радио, затем для телевидения. Он вел себя экстравагантно. Как-то раз на обеде в его честь в ресторане на Эйфелевой башне художник предложил дать интервью на... ресторанной кухне!.. Наверное, из-за таких фокусов и считали Сальвадора Дали сумасшедшим. А по моему, это была просто игра на публику... Однажды знакомый издатель предложил мне написать биографию Дали. Подготовил контракт и попросил меня провести переговоры с живописцем. Я на всякий случай, получив от него гарантию, что могу торговаться об увеличении гонорара Дали вдвое, предупредив, что попасть к великому мастеру на прием труднее, чем к президенту Французской Республики, поехала в Кадакест, где тогда проживал художник.

Попыталась лихой кавалерийской атакой попасть к гению кисти и полотна. Позвонила в дверь, вышла такая не-

приветливая дама, видимо служанка. Я предъявила ей визитную карточку «Марина Грей, тележурналист». На ее лице выразилась пренебрежение. Ответ краток: «Господина Дали нет дома, он в Мадриде». Я в это не поверила. Поселилась в отеле напротив дома Дали в номере, с веранды которого можно был созерцать великого художника XX века, прогуливавшегося иногда в своем саду. И вот, поймав момент, когда мастер был точно дома, я снова атаковала его служанку. Она, открыв дверь, раздраженным тоном произнесла: «Вам что, неясно, нет господина Дали дома!» Я ей ответила, что видела его гуляющим в саду. Чувствую, что следующая фраза с ее уст сорвется о том, что она сейчас кликнет полицию. Я как можно спокойнее говорю: «Вы меня с кем-то путаете, почитайте мою визитку». Служанка недоуменно смотрит на меня и читает: «Графиня Кьяпп». У меня всегда с собой имелась такая великосветская визитная карточка (мне ее сделал мой третий муж). Неприветливая дама, ничего не понимая, идет к хозяину.

Выходит сам Сальвадор Дали, недоуменно смотрит на меня, чувствую по лицу, что лихорадочно вспоминает, где мы встречались (а на телевидении было у нас несколько встреч), и говорит: «Вы не графиня». Отвечаю, что он прав, граф — это мой муж. Потом виноватым голосом говорю: «Я знала, что тележурналистку Марину Грей, с которой вы несколько раз виделись в Париже, не примете, а графиню Кьяпп, может быть, выслушаете». Художник начал смеяться и произнес: «Вы играете моим снобизмом и страстью к титулованным особам». Я заверила, что мой визит сугубо деловой, никаких интервью, и тогда он пригласил меня в свой кабинет. Что меня поразило: в кабинете ни одной картины. Стол, маленькое бюро и масса книг... Начала излагать суть дела. Дали выслушал и говорит: «Не могу, я уже подписал контракт на публикацию своей биографии с другим издательством».

Я понурилась, он начал меня успокаивать. А затем пошла интересная беседа. Я его спрашиваю: «Скажите, господин Дали, почему вы убеждаете людей через прессу, что центр Земли находится на вокзале города Перпень?» Он засмеялся: «Потому, что это правда. Да, правда! Я знаю, что меня многие принимают за сумасшедшего, я это мнение стараюсь даже поддерживать, но тут я вам докажу». Он начал рыться в массе книг по геологии, географии, показывать какие-то рисунки, я в этом ничего не поняла, но он считал, что доказал свою правоту. Провожая до двери, он, поцеловав мне руку, сказал: «Жалко, что этот вокзал такой некрасивый».

— А как завершилась ваша журналистская работа на Французском телевидении?

— Изгнанием, — смеется Марина Антоновна. — Да, я вынуждена была оставить тележурналистику по политическим мотивам. Когда генерал де Голль ушел, за кресло президента Франции боролись Жорж Помпиду, бывший премьер-министр, и Ален Поэр, председатель сената. У меня имелись общие знакомые с Поэром, но председатель сената проиграл президентскую гонку. А новый президент Франции Жорж Помпиду заявил: «Я не желаю больше видеть на телевидении журналистку Марину Грей!» Что было дальше, догадаться нетрудно. Политическая борьба всегда растаптывает судьбы людей... Это я сейчас, с дистанции прожитых лет говорю о той истории со смехом. А тогда было очень обидно. Не хотелось уходить в никуда, уж больно я любила тележурналистику.

— Ну, ушли-то вы явно не в никуда. Двадцать книг написали. Впечатляет.

— Книги — моя гордость. А началась писательская деятельность именно после моего изгнания. Мой знакомый издатель, первый муж Франсуазы Саган, заказал мне книгу о белой армии. Я ее написала, имея в виду, что тем самым, увековечиваю память папы и его соратников. Вот смотрите, — Марина Антоновна подает мне книгу «Белые армии». — Она вышла в 1968 году, ее перевели на итальянский, испанский и английский язык. Выдержала три издания, последнее увидело свет буквально несколько недель назад. Потом написала книгу «Ледяной поход». И пошло-поехало... Сфера моих писательских интересов — это главным образом российская история XIX — начала XX века. Правда, последняя книга посвящена исследованию трагической судьбы Павла I. Как говорится, чуть-чуть расширила хронологию.

— А что так, после «рыцарей белой мечты» и вдруг Павел I?

— Да уж судьба у этого российского императора больно интересная. Такое короткое царство, столько несбывшихся планов. Кстати, планов далеко не только сумасбродных, хотя, конечно, в чем-то экстравагантных, но и оригинальных. А в целом, он — личность уникальная. Только один факт: неудачник император на российском престоле, убиенный заговорщиками, переписывался с папой римским. Он вынашивал идею воссоединения католиков и православных в одну религию. Историкам еще предстоит досконально изучить личность и деятельность Павла I...

— А была ли у вас возможность посетить Родину?

— Да, еще в то время, когда там правил Брежнев. Меня пригласили в круиз по Черному морю, я должна была выступать с докладами перед отдыхающими. Я вначале отказалась, заявив, что никогда не попрошу визу именно в СССР. Но мне сказали, что можно ехать без визы, если корабль покидать только в дневное время в портах. На таких условиях я согласилась и побывала в Одессе, Ялте, Сочи, Сухуми. Конечно, ничего толком на экскурсиях я не увидела. А вот при Ельцине я поехала по визе, но уже в Россию. Была в Петербурге, посмотрела множество достопримечательностей, и в Москве. У меня в Москве есть хороший друг — академик Бонгард-Левин, и он мне все показал, особенно в Кремле. А когда почтенный академик спросил меня, все ли увидела его гостя, то я сказала, что неплохо бы еще посмотреть Мавзолей Ленина. Он так удивился: «Дочь генерала Деникина хочет посмотреть Мавзолей Ленина!» Я засмеялась и говорю: «Но все-таки интересно!» Так я и увидела тело Ленина. А вот в Екатеринодаре (он у вас Краснодар называется), где я родилась, побывать не пришлось...

— Вы встречались с президентом России Владимиром Владимировичем Путиным. Ваши впечатления?

— С Владимиром Владимировичем Путиным я виделась два раза. Первая встреча была короткой, когда президент изъявил желание встретиться с русскими эмигрантами. На встрече присутствовало только русское телевидение. Меня представили Путину. Обращаясь ко мне, он сказал: «Правда, вы дочь генерала Деникина?» Я подтвердила и сказала Владимиру Путину: «Мой папа всю жизнь боролся за Великую, Единую и Неделимую Россию. Неделимой пока что не получается, но я уверена, что вы истинный патриот нашего Отечества, сможете воскресить Великую и Единую Россию». Второй раз мы встретились с Путиным, когда я получила персональное приглашение на встречу с президентом. Там и решили вопрос о перезахоронении моего папы, я об этом вам уже рассказала.

Конечно, из двух встреч с человеком, тем более с таким крупным политическим деятелем, составить цельное впечатление затруднительно, а точнее невозможно. Но если исходить из женской логики, не могу не сказать: у Путина удивительные глаза. Глубокие, чистые и честные глаза порядочного человека. А вообще, он, по-моему, великий патриот России...

...С ярко выраженной грустью в своих бездонных голубых глазах генеральская дочь, прощаясь со мной, сказала:

— Порою мне страшно, что будет дальше. И все же я ве-

рю. Должно же когда-то России улыбнуться счастье в ее исторической судьбе...

А в кои времена России, милая Марина Антоновна, Родине нашей было легко? И сегодня Отечество наше переживает один из самых сложных периодов в своей многовековой, такой трагической и героической одновременно многовековой истории.

Ему-то уж точно в 1921 году, в Брюсселе, было нелегко, когда он писал:

«...За рубежами русской земли стучат уже заступами могильщики и скалят зубы шакалы в ожидании ее кончины.

Не дождутся. Из крови, грязи, нищеты духовной и физической встанет русский народ в силе и разуме».

...Осенью 2005 года Марина Антоновна Деникина скончалась.